

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/ZETVRM>

УДК 821.112.2.0 + 82.09

ББК 83.3(4Гем)5 + 83.3(4Гем)7

РЕЦЕПЦИЯ И.В. ГЁТЕ В НОВЕЙШЕЙ НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЕ. ПО СЛЕДАМ «ВЕРТЕРА»

© 2025 г. Т.В. Кудрявцева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 27 января 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 21 марта 2025 г.

Дата публикации: 25 сентября 2025 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-3-240-265>

Аннотация: Статья посвящена рецепции романа И.В. Гёте «Страдания юного Вертера» (1774) в творчестве немецких прозаиков ХХI в. Материалом для исследования послужили малоизвестные и недостаточно изученные российской германистикой романы М. Вальзера, П. Унтухта, Р. Гёца, Ф. Займоглу, Дж. Ачара и др. Делается попытка определить интенции авторов известных на сегодняшний день немецких вертериад, созданных в ХХI в., и способы воплощения авторского замысла в художественном тексте как на уровне решаемой в произведении проблемы, так и используемой для этого формы повествования. Выявляются черты сходства и различия между объектом рецепции и ее продуктом. Историко-литературный подход сочетается с теоретико-литературным обоснованием избранного тем или иным автором ракурса изображения современной действительности через призму мотивно-образной структуры оригинала. Использование элементов сравнительного анализа помогает лучше понять специфику рассматриваемых произведений, а учет историко-культурного и историко-социального контекстов, в которых создаются новые вертериады, позволяет оценить их эстетическую и общественную значимость и определить степень актуальности как современных «Вертеров», так и исходного текста для литературного процесса ХХI в.

Ключевые слова: И.В. Гёте, вертериада, вертериана, анти-вертер, немецкая проза ХХI в., роман, сюжет, П. Унтухт, Р. Гёц, Ф. Займоглу, Дж. Ачар, М. Вальзер.

Информация об авторе: Тамара Викторовна Кудрявцева — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0002-8279-8639>

E-mail: muchina@yandex.ru

Для цитирования: Кудрявцева Т.В. Рецепция И.В. Гёте в новейшей немецкой прозе. По следам «Вертера» // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 3. С. 240–265.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-3-240-265>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 3, 2025

RECEPTION OF J.W. GOETHE IN MODERN GERMAN PROSE. IN THE FOOTSTEPS OF WERTHER

© 2025, Tamara V. Kudryavtseva

A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: January 27, 2025

Approved after reviewing: March 21, 2025

Date of publication: September 25, 2025

Abstract: The article is devoted to the reception of J.W. Goethe's novel, *The Sufferings of Young Werther* (1774), in the German prose of the 21st century. The relies on hitherto little-known and understudied novels by M. Walser, P. Untucht, R. Goetz, F. Zaymoglu, Ch. Acar, and others. The article attempts to determine the authors' intentions of the today's known German vertertiades, created in the 21st centuries, as well as the ways of embodying the idea in a literary text both at the level of the problem being solved in the work and the form of narration used for this purpose. The research reveals the similarities and differences between the reception object and its product. The historical and literary approach is combined with the theoretical and literary substantiation of the perspective chosen by one or another author to depict modern reality through the prism of the original motif-figurative structure. The comparative analysis helps to better understanding of the works' specifics under consideration and taking into account the historical, cultural, and social contexts, in which new vertertiades are created, and also makes it possible to assess their aesthetic and social significance, to determine the relevance degree of both modern "Werters" and the source text for the literary process of the 21st century.

Keywords: J.W. Goethe, the Wertheriad, anti-Werther, German prose of the 21st century, genre, novel, plot, P. Untucht, R. Goetz, F. Zaimoiglu, Ch. Acar, M. Walzer.

Information about the author: Tamara V. Kudryavtseva, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
<https://orcid.org/0000-0002-8279-8639>

E-mail: muchina@yandex.ru

For citation: Kudryavtseva, T.V. "Reception of J.W. Goethe in Modern German Prose. In the Footsteps of Werther." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 3, 2025, pp. 240–265. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-3-240-265>

Роман И.В. Гёте «Страдания юного Вертера» (первый бестселлер немецкоязычной литературы в эпистолярном жанре [9, р. 7; 19, р. 149]), как известно, почти сразу после выхода в свет начал приобретать черты культовости. Мировая вертериана хорошо изучена на богатейшем материале немецкоязычной литературы (см., в частности: [8]). Обращались к роману Гёте и многие писатели других стран, в том числе и России [6; 7, с. 141–153]. «Вертер» стал образцом для подражания в американской, английской, японской и других литературах мира и остается таковым вплоть до настоящего времени, служа моделью для новых произведений, создаваемых в жанровой традиции первого классического немецкого романа. Внимание к «Вертеру» не ослабевает, прежде всего, на родине его автора. Об особенностях рецепции романа в Германии можно судить по произведениям писателей XXI в., демонстрирующих, как и их предшественники, индивидуальное прочтение классика сообразно собственным интенциональным установкам, мировоззренческим и эстетическим пристрастиям и в соответствии с этим выбирающих ту или иную форму художественного выражения, что тем не менее не мешает безошибочно угадывать в «ремейках» черты предшественника.

Среди писателей, которые так или иначе обыгрывают содержательную и формальную стороны «Вертера», — Мартин Вальзер (Martin Walser, 1927–2023), Райнальд Гёц (Rainald Maria Goetz, *1954), Петер Унтухт (Peter Untucht, *1958) и др.

Помимо проблематики (суицид, аутсайдерство, поиски собственной идентичности, соотношение гендерных ролей, шире — личность versus общество в экзистенциальной обусловленности), востребованной оказывается и поэтика романа. В частности, соотношение реальности (документа-

лизма и автобиографизма) и вымысла, что исследователи считают одной из «фундаментальных проблем современного повествования» [10, р. 171], также нельзя рассматривать, не учитывая исторического прецедента «Вертера». Известно, что обыкновение Гёте использовать людей из своего круга общения в качестве моделей для вымышленных персонажей оказалось весьма востребованной практикой в истории рецепции романа вплоть до наших дней (феномен, получивший обозначение «парадигма Вертера») [10, р. 171]¹.

Не менее важен роман и с точки зрения поисков языкового выражения на уровне повествовательной техники в постпостмодернистскую эпоху. «Мы <...> давно живем, читаем и пишем в новой литературной эпохе <...> лучшие романы последних двадцати пяти лет объединяет нечто большее, чем их качество <...>» [15, р. 24], — писал в 2011 г. известный писатель и публицист Максим Биллер (Maxim Biller, *1960), пытаясь определить особенности постпостмодернизма в его соположенности с ведущей тенденцией к деперсонализации и отчуждению в модернизме и к релятивизации всего и вся — в частности к имитации субъективности в литературном направлении 1970-х «новая душевность» (Neue Innerlichkeit)², с которого начался постмодернизм в Германии.

Речь в данном случае идет о возрождении в литературе многовековой «эпохи Я», начало которой связано с «Вертером», а именно о возвращении в текст Я-нарратива как инструмента «изучения человека с точки зрения строго индивидуального подхода» (цит. по: [15, р. 24]).

В доказательство правомочности своего суждения Биллер приводит слова писателя этой «эпохи», автора научно-фантастических произведений Бенъямин Штайна (Benjamin Stein, *1970), сказанные тем по поводу своего недописанного романа 1989 г. «Крыло стрекозы» (*Der Libellenflügel*) [36, р. 59–78]:

Начиная с набросков к первому роману, меня занимает повествование от первого лица. Сказать Я. Заставить рассказывать Я. В «Алфавите

¹ Так, автобиографический любовный роман М. Биллера «Эзра» (2003) о несчастной любви автора к турчанке, ставший предметом судебного разбирательства, в результате которого на продажу книги был наложен запрет, буквально повторил судьбу «Вертера». Ср. также роман Б. Штайна «Экран» (*Die Leinwand*, 2010): См.: [26, р. 164–182].

² См. в частности: [5, с. 260; 32, р. 50–54].

Йехуды Лёва»³ я, как мне видится сегодня, сбился с пути. Сегодня я не могу и помыслить отказаться от Я-повествования. Уже тогда я исследовал мировую литературу в поисках образцов повествования от первого лица, и нашел. Их можно найти во все эпохи (цит. по: [15, р. 24]).

И содержание, и форма (эпистолярный стиль, автобиографические черты, интертекстуальные вставки и проч.) вышедшего в 2002 г. романа Педера Унтухта⁴ «Двое за Лимесом» (*Zwei hinterm Limes*) отсылают читателя непосредственно к «Вертеру». На первый взгляд книга Унтухта, по словам рецензента Х.К. Кослера [25, р. 59], пахнет пылью. Действие романа, написанного от первого лица, происходит в провинции (преимущественно в прирейнском Вецларе, где молодой юрист Гёте, практикант при имперском суде, и написал «Вертера»). Связь с первоисточником ощущается не только в размеренном, свойственном эпистолярно-мемуарному повествованию стиле и интертекстуальных вставках, разбросанных по всему роману Унтухта, но и в «копировании» сцен «Вертера» (званный обед, на который приглашен один из протагонистов, и проч.).

Однако за этой «вторичностью» скрывается нечто большее, начиная от замысла автора и рецептивной установки читателя, которая может совпадать с интенциями автора или нет в зависимости от того, как прочитываются сегодня сам оригинал и его «ремейк».

Подобно произведению Гёте, «Вертер» Унтухта иллюстрирует авторскую мысль, призванную через образы протагонистов донести до читателей особенности мировидения самого писателя. Протагонист не случайно работает над эссе о рецепции «Вертера» в наши дни, что придает роману Унтухта черты метаромана.

Несомненный факт «игры» с классикой, присущей современной литературе, определяет и характер «подражательной» манеры Унтухта как анти-вертеровской. Несмотря на то что в романе ощутима близость автора духу далеко отстоящей от него литературной эпохи, произведение получило от критиков определение «Вертер наоборот» [18].

3 Первый роман Штайна — *Alphabet des Juda Liva* (1995).

4 Писатель родился в средневековом городе Вецлар (земля Гессен, на северной границе знаменитого Лимеса), много лет жил во Фрайбурге, где изучал литературу и историю в университете, работал независимым журналистом, копирайтером в рекламном агентстве.

В центре повествования — история отношений 42-летнего Якоба и студентки Бабетты. Типичный представитель современного общества потребления, «вечный студент» Якоб ведет ничем не примечательный образ жизни, довольствуясь редкими заработками в рекламной компании и находя «отдохновение» от рутины в литературе и в случайных связях с женщинами.

Сочетание богатого воображения и отсутствие амбиций определяют экзистенцию персонажа, пока размеренный ход жизни не нарушает очередная возлюбленная. Не довольствуясь проявлением чувств ухажера, девушка ждет от него вербального объяснения в любви. А пока «нерешительный» герой не созреет до признания «я тебя люблю», он должен пройти испытание разлукой и отправиться в Вецлар, где родился и вырос. Девушка ждет от запоздавшего с «инициацией» избранника еще одного решительного шага: он обязан, наконец, разобраться в самом себе, другими словами — заняться поисками собственной идентичности. Ему предписано писать Бабетте письма по электронной почте до тех пор, пока девушка не поймет, каков он на самом деле, и не захочет его увидеть.

Полгода Якоб проводит вдали от Бабетты. Вся книга состоит из писем, в которых рассказы Якоба о Вецларе, о друзьях детства перемежаются воспоминаниями о прошлом, случаями из жизни, любовными историями и проч. Все это лишено драматизма, чрезмерной исповедальности, эмоциональности и пафосности в выражении чувств.

В отличие от гётевского Вертера протагонист Унтухта относится к себе и к своему литературному двойнику с достаточной долей иронии. Антивертеровский посыл звучит уже в начале романа. Сперва главный персонаж нелестно отзываясь о своем прототипе из века XVIII, называя героя Гёте «малохольным Вертером» [37, р. 23].

Якоб недоумевает, почему «<...> в городе одна из улиц, которая находится не в самом плохом месте, названа именем человека, совершившего самоубийство. Другие города, вероятно, выбрали бы социально неблагополучный район» [37, р. 48]. А что, рассуждает он, если бы первая пассия «франкфуртца» ответила ему взаимностью? Возможно, его Вертер не появился бы на свет. А Вецлар пожинал бы лавры всемирной славы и т. д. и т. п. (см.: [37, р. 168–169]).

В другом месте Якоб цитирует «чересчур эмоционального идиота» [37, р. 44] Вертера («Город сам по себе мало привлекателен, зато природа

повсюду вокруг несказанно прекрасна» (пер. Н. Касаткиной. — Т.К.). Протагонист Унтухта не разделяет мнения протагониста Гёте и целую страницу отводит описанию красот в окрестностях Вецлара, расшифровывая содержание гиперболы «несказанно прекрасна». Оспаривает Якоб и эпитет «малопривлекательный», называя оценочное суждение Вертера «несусветной глупостью» [37, р. 46], а на самом деле вступая в полемику с автором романа XVIII в.

По ходу чтения читатель знакомится и с другими местами в Вецларе и его окрестностях, достойными посещения и восхищения. Многие фрагменты из писем, адресованных Бабетте, прочитываются как тексты из рекламных туристических проспектов (с поправкой на изящный стиль Унтухта, словно бросающего вызов своему знаменитому предшественнику, дописывая за него страницы, в которых упоминается Вецлар). Например:

Она стояла, облокотясь на подоконник и вглядываясь в окрестности; потом посмотрела на небо, на меня; я увидел, что глаза ее подернулись слезами; она положила руку на мою и произнесла: «Клопшток!» (пер. Н. Касаткиной. — Т.К.) [*Werther, Am 16. Junius*] [37, р. 284].

Взяв эти слова в качестве эпиграфа к одной из глав, Унтухт-Якоб далее пишет:

В воскресенье <...> я стоял на террасе новенького модульного (аллюзия на типичный для местности традиционный фахверк. — Т.К.) дома в Фольпертхаузене⁵ <...> и обозревал окрестности. Отливающие золотом волны пшеничных полей в обрамлении темной ленты хвойного леса, изрешеченные купами деревьев, холмистая местность, где с трудом отыщется дом или опора ЛЭП. И хотя в любую минуту вас может настичь протяжный рев оленя и порадовать вид боязливой косули, они явно не спешат внести свою лепту в лакировку сельских клише. Идиллические места пугливы. Слава Богу, показался заяц, но только на секунду. Внезапно закруживший над полем огромный ястреб обратил трусишку в бегство [37, р. 284].

5 Город южнее Вецлара, стал известен благодаря описанному в романе «Страдания юно-го Вертера» так называемому Деревенскому балу 09.06.1772, который посетил молодой Гёте.

В романе Гёте название города, где происходит действие, не упоминается ни разу. Унтухт, напротив, делает Вецлар не только исходной точкой повествования, но, по сути, и центральным образом романа-антагониста.

Примечательно, что Бабетта находится во Франкфурте-на-Майне, и письма Якоба преодолевают символичную (сегодня) границу — Лимес, которой обязано название романа. Лимес служит обозначением пограничного вала, который римляне когда-то проложили по территории германцев. Вецлар лежит севернее Лимеса, и (на что обращает внимание Унтухт в романе) долгое время он был разделен по религиозному признаку (в южной части жили католики, в северной — протестанты). Таким образом, пересечение реальных и воображаемых границ — еще одна тема, раздвигающая проблемно-тематические рамки литературного предшественника: примирить или совместить несовместимое по принципу *Coincidentia oppositorum* (см.: [24, р. 12]), стереть границы (мысль, которую материализует анти-Вертер на протяжении всего романа), и не только пространственно-временные, религиозные, культурные и даже психологические. Эта мысль увязывается с проблемами современного мира (действие романа происходит в 1999–2000 гг.), а точнее (еще шире трактуя Гёте применительно к нашему времени), служит предостережением игрокам, находящимся на вершине геополитической пирамиды, которые ведут себя «неподобающим образом» [18], забывая исторические уроки прошлого, подтверждая (вопреки утверждениям автора)⁶ злободневность нового «Вертера».

Читатель не обнаруживает в романе гётевского развития сюжета — от сентиментальной идиллии к трагическому финалу. Роман начинается с вырванной из эпистолярного контекста трагической сцены, в которой герой констатирует смерть глубоко почитаемого им двоюродного деда Вильгельма. Он вырастил мальчика, по сути заменив ему отца и став его духовным наставником. Это мини-предисловие (диссонирующее с дальнейшим ходом событий, в описании которых нет места изображению чувств человека страдающего) повторяется затем в конце романа, где речь идет о похоронах родственника. Вильгельм и есть главный герой эпистолярного опуса Якоба. Вокруг этой фигуры умудренного опытом столетнего старца строится сюжет. У живущего на улице Вертера обаятельного жизнелюби-

6 Письмо автору статьи от 30.12.2024.

вого философа за плечами солидный багаж знаний в литературе, истории, философии, религии и проч. В его доме и поселяется Вертер Унтухта. В беседах с Вильгельмом Якоб проводит время, рассказывая в письмах к Бабетте о богатой событиями жизни родственника. Например, о его неудавшейся попытке организовать вместе с бывшим сокурсником Хабермасом симпозиум, в котором предполагалось участие крупнейших немецких мыслителей XX столетия — Хайдеггера, Гадамера, Хоркхаймера и Адорно.

В связи с историей Вецлара, которая больше всего занимает мысли Вильгельма, на страницах романа то тут, то там появляются имена знаменитых немцев — Лютера, Дюрера, Бюхнера и др., так или иначе имеющих отношение к истории Вецлара. Обращает на себя внимание англичанин Джозеф Конрад с африканским «Сердцем тьмы». Патриот родных мест Вильгельм, по словам внучатого племянника, пишет свою книгу *Cor obscuritatis*, повествующую об античной истории Лимеса, об отважных хатах — защитниках древнегерманских земель от римских завоевателей. Первый вариант, как полагается, погиб под бомбежками Второй мировой, поэтому сюжет второй версии претерпел изменения под давлением истории, и даже события сгоревшей книги подвергаются сомнению... Возможно, Вильгельм вспомнил бы и о цивилизационном геноциде, в котором славные соотечественники на рубеже XIX–XX вв. преуспели не меньше англичан и снискали искреннее восхищение потомков Канта, Гегеля, Фихте и того же Гёте (см., в частности: [4, с. 441–442]).

Погружаясь в воспоминания, Якоб совершает вместе с Вильгельмом путешествие во Фландрию: старик намерен посетить места, где он, молодой солдат времен Первой мировой войны, лишился руки. Исторические экскурсы философствующего родственника простираются в воспоминаниях Якоба от современности до эпохи Реформации, Средневековья и Античности. История реконструируется двумя протагонистами отнюдь не тривиального свойства, сочетающими в себе чудачество и тщеславие, прожектерство и рационализм, резонерство и мечтательность, но в целом способными устоять перед ударами судьбы и следующими совету Вертера, который Гёте вложил в уста своего героя во втором издании романа (1775), прислушавшись к мнению критиков: «Будь мужчиной и не следуй за мной» („Sei ein Mann, und folge mir nicht nach“)⁷.

7 Титульная страница романа Гёте.

Именно этим напутствием руководствуются почти все современные анти-Вертеры, получившие прививку самоиронии от общества, не заслуживающего «спектакля» à la суицид⁸ и разыгрывающие для обывателя сцены в привычных для него декорациях усталости и пресыщенности. Поэтому и автор, показывая непреклонность Якоба хранить верность собственному душевному настрою, не ставит перед собой цели пробудить в читателе воспоминание о бунтующем сердце Вертера или даже о более близком «рискующем» — Эрнста Юнгера, т. е. привести в волнение задубевшие души современников. Унтухт стремится освободить мозг читателя от ментального ила с помощью хитроумных интеллектуальных упражнений, уводящих в глубины истории, ставящих читателя перед необходимостью находить ответы на подчас неудобные вопросы, искать альтернативные решения проблем, учиться искусству возможного и проч.

Игра ума не менее важна для писателя, чем занимательный сюжет. Унтухт создает сложный лабиринт, в котором признаки интеллектуального романа сталкиваются с провокативными приемами поп-литературы, высокий стиль обесценивается каламбуром, и все это в обрамлении мистики и фантастики, музыки и поэзии, отсылок к истории искусств, к современной культуре, философии и политике.

Читатель рискует быть сбитым с толку чехардой синтаксических построений, внешне наследующих классическому стилю, который осовременивается разговорной лексикой и неологизмами из разных сфер жизни. Все это призвано помочь уловить глубинный смысл «послания» автора, пытающегося на стыке иронии и меланхолии бросить на большой мир философский взгляд провинциала, строящего свои отношения с историей и современностью, по сути, через связи с такими же провинциалами. В конечном счете автор стремится «понять немецкий менталитет», а это, полагает он, невозможно, «если не уяснить, что означала Реформация, что произошло во время Тридцатилетней войны и что нам повезло жить на обитаемой земле» [30, р. 5]. И в этом смысле «многогранный сатирический взгляд на не-

8 В качестве исключения можно привести факт самоубийства известного писателя Вольфганга Герндорфа (Wolfgang Herrndorf, 1965–2013), который мужественно сражался с неизлечимой болезнью, в том числе с помощью творчества, но, по словам самого писателя, был вынужден «последовать за Вертером». См. подробнее: [12, р. 20]. Роман Герндорфа «Чик» (*Tschick*, 2010) о проблемах современных подростков вышел в переводе на русский язык под названием «Гуд бай, Берлин!» в 2017 г.

мецкую историю XX века» позволяет автору говорить о «надвременности» романа⁹.

Именно воплощению этого замысла, а не желанию отдать дань первоисточнику в первую очередь посвящен роман Унтухта: в отличие от своего родственника, утверждающего, что Вертер — вечен, Якоб-эссеист считает, что «неудачник и антигерой» [37, р. 234] из Вецлара отжил свое время и никому не интересен. Этот тезис находит, среди прочего, подтверждение и в самом сюжете (в жизни героя присутствуют ситуации «любовного треугольника», не мешающие мирно сосуществовать его участникам). Однако уже своим обращением к классическому роману XVIII в. автор XXI в. доказывает обратное. Первоисточник не отпускает его с первой до последней страницы, а проблематика и испытанная временем форма «Вертера», позволяющая Унтухту, как и его герою, свободно перемещаться по историческим, культурным, философским и политическим лабиринтам европейского пространства [24, р. 12], не теряют своей актуальности.

Еще один «парадигматический» вариант «Вертера» представлен в жанре метареалистического романа о художнике (см.: [17]) Райнольда Гёца «Иоганн Хольтроп. Демонтаж общества» (*Johann Holtrop. Abriss der Gesellschaft*, 2012). Повествование о взлете и падении заглавного героя (топ-менеджера) было воспринято критиками в духе «сурового обличения современного капитализма» [1], «расчета с капитализмом как формой жизни <...> возвращения ненависти в качестве двигателя повествования» [22, р. 30]. Для этого автор выбрал подходящий ракурс изображения — вычленив один из проблемных сегментов социума — высшей прослойки экономической управленческой элиты.

«Выброшенный из общества» [35, р. 341] протагонист Гёца, прототипом которого писателю послужил известный (и узнаваемый в романе) бывший глава международного медиаконцерна «Бертельсман», подобно гётевскому Вертеру, добровольно уходит из жизни, не выдержав конкурентной борьбы во взрастившей его, а затем сделавшей аутсайдером среде. Своей радикальностью подзаголовок (который может прочитываться

9 Письмо автору статьи от 30.12.2024.

как в значении «снос», так и «обозрение») вызывает невольные ассоциации с «Гибелью одного семейства» Т. Манна, на фоне которого знаменитая семейная сага даже несколько уступает в своей социальной трагедийности. «Этот роман — осознанно субъективная, яростная и совершенно пристрастная критика тех разрушений, того опустошения, которые оставляет в человеке современная экономическая система» [2], — отзывался о романе (точнее, о его сценической версии)¹⁰ некогда руководитель культурных программ московского Гёте-института Рольф Иро.

Писатель признавался, что он просто позаимствовал материал из мира бизнеса и создал гротеск, преувеличив все до размеров космического сумасшествия. Устройство современного общества, полагает Гёц, оказывает прямое воздействие на человека, прежде всего на его внутренний мир, на личную жизнь, на способность быть самим собой, прислушаться к голосу совести, на готовность восстать или смириться с обстоятельствами. Уничтоженный системой человек теряет устойчивость и желание жить [2].

Автор не обвиняет своего протагониста, а, скорее, по его собственным словам, испытывает к нему, как и к другим персонажам («неважно, насколько они приблизились к самому краю» [2]), эмпатию, смешанную с жалостью, поскольку и сам ощущает себя частью порицаемого им общества, лишаящего человека экзистенциальной самости. Более того, Гёц дает своему герою шанс сделать выбор в пользу жизни и попытаться осознать себя свободной личностью:

Он продвигался по заснеженному полю к железнодорожной насыпи. Вдалеке он увидел приближающийся поезд. Он побежал к железнодорожным путям, все быстрее, оглянулся, снова замедлил шаг. Перепрыгнул через рыхлый снег, взобрался наверх, огляделся, схватился за передний рельс, перевалялся на шпалы, встал и побежал навстречу несущемуся локомотиву. Тот казался маленьким и находился очень далеко. Он грохотал, визжал и кричал. Затем внезапно вырос, почернел и ускорил ход.

Хольтроп бежал, он понял то, что хотел понять: жизнь была прекрасна. В нем проснулось необъяснимое чувство душевной благодарности от сознания того, что отказываться от жизни в корне неверно, и он рассмеялся.

¹⁰ Премьера спектакля по этому роману состоялась во МХТ имени А.П. Чехова в июне 2013 г. на русском языке в переводе С. Городецкого.

Преисполненный решимости прыгнуть с рельсов раньше, чем локомотив пройдет еще десяток метров, Хольтроп сделал спасительный шаг правой ногой, яростно, слишком резко, поскользнулся, упал, посмотрел вверх и: он был мертв [35, р. 341–342].

Смерть настигла героя в последний миг, по-гётевски, по-романтически, как младенца в «Лесном царе» („das Kind war tot“).

Однако было бы неверно поверить в то, что получивший известность и даже скандальность представитель развивавшейся в оппозиции к литературному истеблишменту так называемой поп-литературы, направления, заявившего о себе еще в 1970-е гг., поставил себе задачу разочаровать читателя несостоявшимся happy end.

Ожидать этого от ««летописца современности и актуальной культуры», который исследует реальную жизнь страны последних десятилетий <...> экспериментирует, пробует новые формы <...> “опорой для которых стали <...> обостренное чувство исторического восприятия, язык отстраненного наблюдателя, сатирическая отчетливость и страстная экспрессивность”» [1] было бы по меньшей мере странно.

На разноплановость повествовательных техник романа, что проявляется как в специфике образа протагониста, так и в жанровой структуре романа в целом, в частности обращает внимание немецкая исследовательница Кристин Айххорн, анализируя роман с точки зрения его принадлежности к традиции романа о художнике [17; см. также: 33].

Персонаж Гёца в юности мечтал «стать писателем» [35, р. 23]. Эти мечты остались мечтами, но не исчезли из жизни Хольтропа: он даже намеревался писать роман о своих карьерных успехах, о чем свидетельствует интервью протагониста, в которое вложены мысли самого Гёца о творчестве:

Предпринимателей и художников связывает родство духа, экспериментальный подход к миру, созидательное разрушение <...>. Эта сторона искусства всегда привлекала его <...> он искал и нашел радикализм в мире бизнеса <...> в глубине души оставаясь писателем, Фонтане и Томас Манн, которых сегодня недооценивают <...>, были его любимыми писателями [35, р. 124].

Стремление Хольтропа-Гёца к радикализму в литературе не случайно. Айххорн видит в этом прямое указание автора на традицию: несостояв-

шийся писатель Хольтроп тесными узами связан со своими предшественниками эпохи «Бури и натиска», а именно с концепцией гения. Жизненным кредо Хольтропа становится цитата из новеллы Георга Бюхнера «Ленц» (1839), где содержится характеристика заглавного героя Я.М.Р. Ленца:

Ведь в смерти он не обретал покоя и надежды [35, р. 116].

Связь неудачника Хольтропа с Ленцем не ограничивается любовью к творчеству как таковому; подобно поэту-штюрмеру, протагонист Гёца страдает психическим расстройством, что, возможно, и стало причиной суицидальных мыслей топ-менеджера.

В романе имеется лишь одна прямая ссылка на «Вертера» Гёте, и она не связана напрямую со смертью Хольтропа. На похоронах основателя журнала «Шпигель» Рудольфа Аугштайна один из присутствующих цитирует финальные строки романа:

Гроб несли мастеровые. Никто из духовенства не сопровождал его (пер. Н. Касаткиной) [35, р. 305].

Эта реплика релятивизируется в романе Гёца другим персонажем, и не только потому, что писатель не хочет вводить читателей в заблуждение относительно естественной кончины известной личности:

В данном случае это неправда, но место прекрасное [35, р. 305].

Однако неправда состоит и в том, что поэтологически важным в метаромане Гёца является именно суицидальный мотив, маркирующий (в данном случае в метареалистической связке Ленц — Вертер — Хольтроп) трагический конфликт творческой личности с обществом.

Другая и самая важная в поэтологическом плане проблема, которую Гёц хочет прояснить читателю, прежде всего профессиональному, — невозможность возрождения реалистической традиции в XXI в. (не случайно литературные пристрастия Хольтропа связаны с реализмом XIX – начала XX в.). Каждое время требует собственных средств для его художественного воплощения. Подобно тому, как вера Хольтропа в личную свободу не вписывается

в общественные отношения 2000-х, рассказчик Гёца, отнюдь не желая идентифицировать себя с protagonистом (повествование, вопреки предсказаниям Биллера, ведется от третьего лица), также отказывается от копирования реалистического канона, предпочитая его современные модификации с приставками супер-, мета- и проч. (см. подробнее: [17; 23]), оставляя классикам почетное место игроков за столом интертекстуальности.

Примечательно, что современная немецкая вертериана представлена не только этническими немцами, но и «чужаками», в частности писателями-постмигрантами турецкого происхождения. Читатель сталкивается при этом с интересной задачей: ему предстоит соотнести с оригиналом не только особенности интерпретации романа писателями нового поколения, что само по себе важно, поскольку служит доказательством востребованности «Вертера» в современную эпоху, но и выяснить, как гётевский роман включается в традицию постмигрантской литературы, осваивающей чужое культурное пространство. В этой связи обращают на себя внимание два произведения, созданные в XXI в. Феридуном Займоглу (Feridun Zaimoğlu, *1964) и Джиханом Ачаром (Cihan Acar, *1986).

Своему роману 2000 г. «Алые знаки любви. Роман в письмах» (*Liebesmale, scharlachrot. Ein Briefroman*) Ф. Займоглу дал подзаголовок «Новые страдания юного Али» (*Die neuen Leiden des jungen Ali*), что отсылает уже к повести У. Пленцдорфа «Новые страдания молодого В.» (*Die neuen Leiden des jungen W.*, 1972), герой которого ближе к современности и также пытается самоутвердиться в социуме.

Протагонист романа — молодой человек по имени Сердар, что означает «вождь», «лидер» (писатель добавляет к этой характеристике дополнительный оттенок имени Али: «высокий», «надменный», «возвышенный»), на деле оказывается обычным Дон Жуаном. Именно в этой роли и видит его окружающие, которым он рассказывает истории о своих любовных подвигах. Превратившись в посмешище в немецком Киле, где он родился и вырос, протагонист переживает своеобразный жизненный кризис и отправляется на родину родителей в Турцию. Сидя в одиночестве на пляже, Сердар-Али задает себе вопрос: «Кто я, потухший окурочок или принц

с Востока?» [38, р. 12]. После очередной «победы» и последовавшей за ней стычки с соперником герой попадает в больницу. У него остается лишь одно желание: домой. Но где его дом, молодой человек не знает. Из писем героя к другу, к бывшим и нынешним возлюбленным становится ясно, что поиски своего «я» и родины ни в Германии, ни в Турции не увенчались успехом. Герой по-прежнему стоит на распутье, впрочем, его нахождение в зале для транзитных пассажиров на пути назад (в Германию) в финале романа подразумевает, что размышлять над своей жизнью между двумя культурами Сердар намерен именно в транзитной зоне.

Разумеется, социальная острота в решении проблем мигрантов уступает в этом романе исследованию душевного благополучия героя, столкнувшегося с социальной проблемой, как в произведениях Гёте и Пленцдорфа, а отсылка к ним есть не что иное, как инструмент для создания образа современника — не нашедшего себя анти-вертера, который, в отличие от предшественников, не спешит последовать их примеру «радикально» решить проблему и свести счеты с жизнью.

«Подражательный» характер романа дает о себе знать в желании Сердара посвятить себя искусству. Подобно гётевскому Вертеру, который любит живопись, потому что в ней он чувствует себя свободным и может жить не по правилам, Сердар пишет хайку, правда игнорируя (по воле автора романа) его регламентированную форму, поскольку считает, что так он лучше всего может выразить свое внутреннее состояние.

Займоглу, как и Гёте, позволяет своему протагонисту предаваться эпистолярному жанру (герой «охотно выражается в стиле Гёте» [21]), пародируя устаревший стиль, поэтически окрашенные слова, выражения и др. Однако это — лишь намеренная стилизация:

Высокочитимый мой дружище, милейший Хакан, искатель святой крайней плоти Христа, я здоров и чувствую себя бодрячком, прибыл на западное побережье континентального шельфа Турции целым и невредимым, не потеряв ни капли той трансцендентности, которую излучала моя физическая сущность на холодной родине. И ни одной слезинки не пролилось из моих глаз, ни малой толики радости не принес мне приезд сюда, ни на секунду не забилося быстрее мое бесценное сердце. Ты ведь знаешь, мне пришлось сбежать из Киля, потому что женщины буквально оседлали меня. Я <...> по-

летел к родителям на Эгейское море, чтобы понять, чего я хочу на самом деле [38, р. 9].

Сочетание высокого стиля (не просто стилизация стиля Гёте, но и особенность агглютинативной природы тюркских языков, см. подробнее: [14, р. 296–301]) и слэнга выдает не только принадлежность героя к другому веку, но и его культурную, точнее, лингвистическую раздвоенность.

Другое отличие романа Займоглу от «Вертера» Гёте заключается, по замечанию исследовательницы К. Бекер, в том, что если классик облекает свое произведение в форму «монологического эпистолярного романа» (см. подробнее: [14, р. 353]), поскольку его герой — одиночка, не ищущий поддержки социума, то Сердар — личность иного склада: напротив, он ищет пути вхождения в общество. Отсюда — включение в текст романа ответных писем. Так, друг и романый антагонист Сердара, знаток вульгарного социолекта немецких турок (в отличие от беглеца он воспринимает немецкую культуру без намека на поклонение: «Оставь свои номера с Гёте» [38, р. 18]), разбавляя язык романа словечками из молодежного жаргона XXI в., советует непутевому другу, «слабаку», не прибавившемуся к чужому берегу и потерявшему связь с родными корнями, подумать о своей неустроенной жизни между двумя мирами (см. подробнее: [16, р. 610–628; 28]).

Два «Вертера» отличаются и внешне: Вертер XVIII в. одевается в соответствии с английской модой, отвергая тем самым абсолютизм и отдавая дань либерально мыслящим англичанам. Сердар, напротив, в этом отношении — неприметная мышка, он не спешит привлекать к себе внимание и следует обычаям «принимающей стороны».

В образах обоих персонажей просматриваются автобиографические черты, две ипостаси самого автора, два «канак»¹¹, живущие в одной личности, но движущиеся в своем самоопределении в разных направлениях. Писатель не случайно выбирает в качестве «турецкого берега» Эгейское побережье, издавна служившее культурным мостом между Западом и Востоком (Виланд, Гёльдерлин и др.) (см. подробнее: [20, с. 155–166]).

11 Слово «канак» в немецком языке уничижительно указывает на иностранцев, особенно на турок и итальянцев. См. подробнее: [3, р. 72–84].

В «социальном» [29; 31], как его называет автор, романе «Гавайи» (*Hawaii*, 2020) Джихана Ачара поднимаются проблемы, с которыми сталкивается молодой немец с турецкими корнями, — проявления ксенофобии и неонацизма в швабской провинции. Их разрешение ощущающий себя чужаком и аутсайдером протагонист связывает с поисками собственной этнической и культурной идентичности в условиях внаходимости, жизни «между мирами».

Главные события романа разворачиваются в одной из литературных столиц, клейстевском Гейльбронне. Рецензент «Штутгартской газеты» (*Stuttgarter Zeitung*) Р. Мориц недвусмысленно назвал произведение «новыми страданиями сломленного героя» („die neuen Leiden des gebrochenen Helden“) [27, с. 15]. Ачар действительно выбрал в качестве протагониста молодого человека, терзаемого, как и герой Займоглу, вопросами:

Кто я? Чего хочу? Где мой дом? [34, р. 18].

Немец турецкого происхождения по имени Кемаль¹² — успешный футболист, играющий за турецкую команду. Он исполнил свою мечту и оправдал надежды жителей неблагополучного района Гейльбронна «Гавайи», в основном населенного мигрантами, на то, что и отсюда есть путь в лучшую жизнь. Вследствие полученной травмы протагонист, однако, вынужден уйти из профессии. Кемаль возвращается в город, где (как и автор романа) родился и вырос. Но там для него уже нет места: он чувствует себя чужим среди прежних друзей и становится добычей для врагов — неонацистов. Оказавшись между двумя жизнями, двумя мирами, двумя культурами аутсайдер пока не помышляет оставить бrenную землю.

В отличие от пространного гётевского повествования события в романе Ачара спрессованы в четыре дня, сплавленные июльской жарой: читатель окунается в атмосферу турецкой свадьбы и стриптиз-бара,

12 Кемаль Арслан, известный турецкий футболист, послуживший прототипом главного героя, в имени которого скрывается также аллюзия на героя известного романа немецкого писателя Якоба Арджуни (Jakob Arjouni, 1968–2013) «С днем рождения, турок» (*Happy Birthday, Türke!*, 1985), которым открывается серия детективов про ставшего героем немецкой популярной литературы следователя Кемаля Кааянка — турка, выросшего в Германии и вынужденного в одиночку бороться с проявлениями немецкого национализма.

становится свидетелем уличной разборки между членами немецкой экстремистской группировки HWA (*Heilbronn, wach auf!* / «Гейльброн, проснись!») и противостоящей ей турецкой «Канка» (сокращение от турецкого *Kankarde ler* / «Братья по крови»).

Произведение имеет открытый финал. Кемаль уезжает из города. Но это не бегство в никуда, а путешествие с вполне определенной целью:

Я точно знал, куда направляюсь. Туда, где могу быть самим собой. Не Кемалем-футболистом, не Кемалем-безработным, лоботрясом, неудачником, предателем, торгашом, чем-то вроде. Нет — просто самим собой [34, р. 173].

Заслуживает внимания и рецепция «Вертера» в романе Мартина Вальзера «Влюбленный мужчина» (*Ein liebender Mann*, 2008), посвященном последней любви Гёте — Ульрике Леветцов. Роман написан в форме диалога Гёте и Ульрике. Писателя, однако, главным образом занимают не любовные переживания героев. Гёте беседует с возлюбленной о своих философских и научных воззрениях, о том, как создавался роман «Страдания юного Вертера» и т. д. Вальзер, по сути, создал энциклопедию культурной эпохи, в которую творил Гёте.

Еще одна аллюзия на роман Гёте содержится в кульминационном эпизоде романа, сцене бала-маскарада, где Гёте и Ульрике появляются, не сговариваясь, в костюмах героев «Вертера» и узнают друг друга. Заключительную главу книги составляют недвусмысленные письма писателя о «страданиях *старого* Вертера», которому не хватает общения с Ульрике.

Этот роман, как и сам Гёте, отмечает известный литературовед Томас Анц, многослоен. Вальзер, по мнению исследователя, вслед за классиком заставляет читателя задуматься о взаимосвязи искусства и жизни, комедии и трагедии, вымысла и реальности, лжи и правды. В нем — борьба за самоутверждение в условиях притязаний со стороны других, счастье и страдание, рай и ад [13].

Что ожидает от литературы читатель? — задается вопросом гётевед Фридер Аммон и сам отвечает на него, по сути переводя в модус желаемого

слова Чернышевского: задача «учебника жизни», по Аммону, «внести свой вклад в понимание жизни и мира и обогатить возможности языкового общения» [11]. Творчество Гёте, уверен он, «отвечает этим ожиданиям в исключительно высокой степени» [11]. Эта максима с полным правом может быть отнесена и к «Вертеру», питающему умы все новых поколений немецких писателей.

Список литературы

Исследования

- 1 *Богданова Ю.З.* Летопись прошлого и настоящего в произведениях-лауреатах литературных премий Германии 2015 года Франка Витцеля, Шерко Фатаха и Райнальда Гёца // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 11. URL: <https://human.snauka.ru/2015/11/13133> (дата обращения: 02.01.2025).
- 2 *Гёц Р. Йоханн Хольтроп.* Отпечаток общества // МХТ имени А.П. Чехова. URL: <https://mxat.ru/history/project/johan/?ysclid=m5dtjs38ly646690127> (дата обращения: 02.01.2025).
- 3 *Кудрявцева Т.В.* В поисках культурной идентичности: Феридун Займоглу // Немецкоязычная проза: художественные и исследовательские практики XXI в.: сб. ст. / отв. ред.-сост. Т.В. Кудрявцева, Г.В. Кучумова и др. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 72–84.
- 4 *Кудрявцева Т.В.* Массовая литература // История литературы Германии XX века: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 1. Кн. 2. С. 441–442.
- 5 *Кудрявцева Т.В.* Новейшая немецкая поэзия (1990-е — 2000-е гг.): основные тенденции и художественные ориентиры. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 430–448.
- 6 *Лобачёва Д.В.* Роман И.В. Гёте «Страдания юного Вертера»: рецепция в России (XVIII–XIX вв.): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 223 с.
- 7 *Ромашко С.А.* Испытание иконоклазма: «Страдания юного Вертера» Гёте в историко-культурной перспективе // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 141–153.
- 8 *250 Jahre Werther / hrsg. von F. von Ammon, A. Košenina.* Hannover: Wehrhahn Verlag, 2024. 208 S.
- 9 *Ammon F. von, Košenina A.* Vorbemerkung // 250 Jahre Werther / hrsg. von F. von Ammon, A. Košenina. Hannover: Wehrhahn Verlag, 2024. S. 7–10.
- 10 *Ammon F. von.* Das Werther-Paradigma. Goethes „Werther“ und ein Grundproblem modernen Erzählens // 250 Jahre Werther / hrsg. von F. von Ammon, A. Košenina. Hannover: Wehrhahn Verlag, 2024. S. 171–186.
- 11 *Ammon F.* Vorstandsmitglieder im Portrait — Prof. Dr. Frieder von Ammon // Goethe-Gesellschaft in Weimar e.V. 30.08.2021. URL: <https://www.goethe-gesellschaft.de/interview/vorstandsmitglieder-im-portrait-prof-dr-frieder-von-ammon/> (дата обращения: 10.01.2025).
- 12 *Ammon F.* Wolfgang Herndorf und Goethe: Die neuen Leiden des jungen H. // FAZ. 25.05.2019. S. 20.
- 13 *Anz Th.* Ein gekränkter Mann. Anmerkungen zu Martin Walsers artifiziellem Goethe-Roman // literaturkritik.de. 04.04.2008. URL: <https://literaturkritik.de/id/11780> (дата обращения: 10.01.2025).
- 14 *Becker K.* Briefroman und Subjektivität. Transformationen der Gattung und des Subjekts und deren Bedeutung für einen subjektivationsorientierten Literaturunterricht. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2021. 483 S.

- 15 *Biller M.* Unsere literarische Epoche. Ichzeit // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 01.10.2011. S. 24.
- 16 *Dörr V.C.* „N` gefälliger Kanaksta“. Feridun Zaimoglus „Liebesmale, scharlachrot“. Migrantenliteratur im „transkulturellen“ Kontext? // Zeitschrift für Germanistik. 2005. Vol. 15. № 3. S. 610–628.
- 17 *Eichhorn K.* „Wirtschaft war endlich Kunst geworden“. Rainald Goetz' Johann Holtrop (2012) als metarealistischer Künstlerroman. Vortragsmanuskript von 2014 // Akademia.edu. URL: https://www.akademia.edu/31675083/_Wirtschaft_war_endlich_Kunst_geworden_Rainald_Goetz_Johann_Holtrop_2012_als_metarealistischer_K%C3%BCnstlerroman_Vortragsmanuskript_von_2014_ (дата обращения: 01.01.2025).
- 18 *Fischer G.* Intellektuelle Vexierspiele. Der umgekehrte Werther: Jakob Untuchts faszinierendes Romandebüt „Zwei hinterm Limes“ // Der Standard. 02.02.2003. URL: <https://www.derstandard.at/story/1199973/intellektuelle-vexierspiele> (дата обращения: 29.12.2024).
- 19 *Fuld W.* Das Buch der verbotenen Bücher. B.: Galiani Verlag, 2012. 352 S.
- 20 *Hofmann M.* Hölderlin und Zaimoglu, Hyperion und Serdar: Izmir, die Ägäis und Kleinasien in der deutschen Literatur // Von Generation zu Generation: Germanistik. Festschrift für Kasım Egit zum 65. Geburtstag / hrsg. von Sanıye Uysal Ünal, Nilgin Taniş Polat, Mehmet Tahir Öncü. İzmir: Ege Üniversitesi Basımevi, 2013. S. 155–166.
- 21 *Hüfner A.* Rezensionenotiz zu Süddeutsche Zeitung // Perlentaucher. Das Kulturmagazin. URL: <https://www.perlentaucher.de/buch/feridun-zaimoglu/liebesmale-scharlachrot.html> (дата обращения: 21.02.2024).
- 22 *Kämmerlings R.* Holtrop, c'est moi // Welt am Sonntag. 08.09.2012. S. 30.
- 23 *Keuschnig G.* Rainald Goetz: Johann Holtrop // Begleitschreiben. 27.10.2012. URL: <https://www.begleitschreiben.net/rainald-goetz-johann-holtrop/#nav-mobile> (дата обращения: 03.01.2025).
- 24 *Klauhs H.* Alte Leiden des nicht mehr jungen W. Peter Untuchts Identitätssuche in Aus- und Abschwefungen // Die Presse. 16.11.2002. S. 12.
- 25 *Kosler H.Ch.* Von den Loopings des Lebens. Peter Untuchts erstaunliches Romandebüt // Neue Zürcher Zeitung. 05.10.2002. S. 59.
- 26 *Langenhorst G.* „Die erzählte Geschichte ist, was am Ende zählt“. Postmoderne Spiegelungen jüdischen Lebens im literarischen Werk Benjamin Steins // Communicatio Socialis. 2013. N. 2 (46). S. 164–182.
- 27 *Moritz R.* Cihan Acars Heilbronn-Roman „Hawaii“: Die neuen Leiden des gebrochenen Helden // Stuttgarter Zeitung. 17.03.2020. S. 15.
- 28 *Rudas Meo Ricardo.* „Gewöhn dir mal langsam Kanakenmanieren an, Alter“. Die Inszenierung von Identität in Feridun Zaimoglus Roman „Liebesmale, scharlachrot“ // Glossen. 2021. H. 5. URL: <https://blogs.dickinson.edu/glossen/home-2/glossen-47-2021-current-issue/iii-kulturgeschichtliche-analysen-feridun-zaimoglus-roman-liebesmale-scharlachrot/> (дата обращения: 05.03.2024).

- 29 *Schneevogt R., Stein M.* Interview mit Cihan Acar // Papierstau Podcast.
URL: <https://papierstauodcast.de/special/interview-cihan-acar> (дата обращения: 04.01.2025).
- 30 *Schröder E.* Die Chronik eines angekündigten Todesfalls. Schriftsteller Peter Untucht verwebt wunderbar leicht Geschichte mit Geschichten // Neue Osnabrücker Zeitung. 17.08.2002. S. 5.
- 31 *Smirnoff F.* "Hawaii" von Cihan Acar // SRF. 28.06.2020.
URL: <https://www.srf.ch/audio/52-beste-buecher/hawaii-von-cihan-acar?uuid=6d53af23-9238-4852-9eb5-abb87926e58c> (дата обращения: 04.01.2025).
- 32 *Walter-Jochum R.* Autobiografietheorie in der Postmoderne. Subjektivität in Texten von Johann Wolfgang von Goethe, Thomas Bernhard, Josef Winkler, Thomas Glavinic und Paul Auster. Bielefeld: transcript, 2016. 362 S.
- 33 *Zima P.V.* Der europäische Künstlerroman. Von der romantischen Utopie zur postmodernen Parodie. Tübingen: A. Franke, 2008. 517 S.

Источники

- 34 *Cihan Acar.* Hawaii. Bamberg: C.C. Buchner Verlag, 2022. 196 S.
- 35 *Goetz R.* Johann Holtrop. Abriss der Gesellschaft. B.: Suhrkamp, 2012. 342 S.
- 36 *Stein B.* Der Libellenflügel // Temperamente. Blätter für junge Literatur, 1989. H. 4. S. 59–78.
- 37 *Untucht P.* Zwei hinterm Limes. München: Claassen Verlag, 2002. 405 S.
- 38 *Zaimoglu F.* Liebesmale, scharlachrot. Köln: Kiepenheuer und Witsch, 2002. 304 S.

References

- 1 Bogdanova Iu., Z. "Letopis' proshlogo i nastoiashchego v proizvedeniiakh-laureatakh literaturnykh premii Germanii 2015 goda Franka Vittselia, Sherko Fatakh i Rainal'da Getsa" ["The Chronicle of the Past and Present in the Works of the 2015 German Literary Awards Winners Frank Witzel, Sherko Fatah, and Rainald Goetz"]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniia* [Humanities Scientific Researches], no. 11, 2015. Available at: <https://human.snauka.ru/2015/11/13133> (Accessed 02 January 2025). (In Russ.)
- 2 Gets, R. "Iokhann Khol'trop. Otpechatok obshchestva" ["Johann Holtrop. The Imprint of Society"]. *MKhT imeni A.P. Chekhova* [A.P. Chekhov Moscow Art Theater]. Available at: <https://mxat.ru/history/project/johan/?ysclid=m5dtjs38ly646690127> (Accessed 02 January 2025). (In Russ.)
- 3 Kudriavtseva, T.V. "V poiskakh kul'turnoi identichnosti: Feridun Zaimoglu ["Searching for Cultural Identity: Feridun Zaimoglu"]. Kudriavtseva, T.V., G.V. Kuchumova, et al., editors. *Nemetskoiazychnaia proza: khudozhestvennye i issledovatel'skie praktiki XXI v.: sbornik statei* [German-Language Prose: Artistic and Research Practices of the 21st Century]. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 72–84. (In Russ.)
- 4 Kudriavtseva, T.V. "Massovaia literatura" ["Popular Literature"]. *Istoriia literatury Germanii XX veka: v 2 t.* [History of German Literature of the 20th Century: in 2 vols.], vol. 1, book 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, pp. 430–448. (In Russ.)
- 5 Kudriavtseva, T.V. *Noveishaia nemetskaia poeziia (1990-e – 2000-e gg.): osnovnye tendentsii i khudozhestvennye orientiry* [Modern German Poetry (1990s–2000s): Main Trends and Artistic Guidelines]. Moscow, IWL RAS Publ., 2008. 343 p. (In Russ.)
- 6 Lobacheva, D.V. *Roman I.V. Gete "Stradaniia iunogo Vertera": retsepsiia v Rossii (XVIII–XIX vv.)* [J.W. Goethe's Novel "The Sufferings of Young Werther": Reception in Russia (18th–19th Centuries): PhD Dissertation]. Tomsk, 2005. 223 p. (In Russ.)
- 7 Romashko, S.A. "Iskushenie ikonoklazma: 'Stradaniia iunogo Vertera' Gete v istoriko-kul'turnoi perspektive" ["The Temptation of Iconoclasm: Goethe's 'The Sufferings of Young Werther' in a Historical and Cultural Perspective"]. *Kul't kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitatel'* [Cult as a Phenomenon of the Literary Process: Author, Text, Reader]. Moscow, IWL RAS Publ., 2011, pp. 141–153. (In Russ.)
- 8 *250 Jahre Werther*, Hrsg. von F. von Ammon, A. Košenina. Hannover, Wehrhahn Verlag, 2024. 208 S. (In German)
- 9 Ammon, Frieder von, und A. Košenina. "Vorbemerkung." *250 Jahre Werther*, Hrsg. von F. von Ammon, A. Košenina. Hannover, Wehrhahn Verlag, 2024. S. 7–10. (In German)
- 10 Ammon, Frieder von. "Das Werther-Paradigma. Goethes 'Werther' und ein Grundproblem modernen Erzählens." *250 Jahre*, Hrsg. von F. von Ammon, A. Košenina. Hannover, Wehrhahn Verlag, 2024. S. 171–186. (In German)
- 11 Ammon, Frieder von. "Vorstandsmitglieder im Portrait — Prof. Dr. Frieder von Ammon." *Goethe-Gesellschaft in Weimar e.V. 30.08.2021*. Available at:

- https://www.goethe-gesellschaft.de/interview/vorstandsmitglieder-im-portrait-prof-dr-frieder-von-ammon/ (Accessed 10 January 2025). (In German)
- 12 Ammon, Frieder von. "Wolfgang Herndorf und Goethe: Die neuen Leiden des jungen H." *FAZ*. 25.05.2019. S. 20. (In German)
- 13 Anz, Thomas. "Ein gekränkter Mann. Anmerkungen zu Martin Walsers artifiziellem Goethe-Roman." *literaturkritik.de*, 04.04.2008. Available at: <https://literaturkritik.de/id/11780> (Accessed 10 January 2025). (In German)
- 14 Becker, Karina. *Briefroman und Subjektivtion. Transformationen der Gattung und des Subjekts und deren Bedeutung für einen subjektivationsorientierten Literaturunterricht*. Würzburg, Königshausen & Neumann, 2021. 483 S. (In German)
- 15 Biller, Maxim. "Unsere literarische Epoche. Ichzeit." *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 01.10.2011. S. 24. (In German)
- 16 Dörr, Volker Christian. "'N' gefälliger Kanaksta.' Feridun Zaimoglu 'Liebesmale, scharlachrot.' Migrantenliteratur im 'transkulturellen' Kontext?" *Zeitschrift für Germanistik*, vol. 15, no. 3, 2005. S. 610–628. (In German)
- 17 Eichhorn, Kristin. "'Wirtschaft war endlich Kunst geworden.' Rainald Goetz' Johann Holtrop (2012) als metarealistischer Künstlerroman. Vortragsmanuskript von 2014." *Akademia.edu*. Available at: https://www.akademia.edu/31675083/_Wirtschaft_war_endlich_Kunst_geworden_Rainald_Goetz_Johann_Holtrop_2012_als_metarealistischer_K%C3%BCnstlerroman_Vortragsmanuskript_von_2014_ (Accessed 01 January 2025). (In German)
- 18 Fischer, Gerd. "Intellektuelle Vexierspiele. Der umgekehrte Werther: Jakob Untuchts faszinierendes Romandebüt 'Zwei hinterm Limes.'" *Der Standard*, 02.02.2003. Available at: <https://www.derstandard.at/story/1199973/intellektuelle-vexierspiele> (Accessed 29 December 2024). (In German)
- 19 Fuld, Werner. *Das Buch der verbotenen Bücher*. Berlin, Galiani Verlag, 2012. 352 S. (In German)
- 20 Hofmann, Michael. "Hölderlin und Zaimoglu, Hyperion und Serdar: Izmir, die Ägäis und Kleinasien in der deutschen Literatur." *Von Generation zu Generation: Germanistik. Festschrift für Kasım Eğin zum 65. Geburtstag*, Hrsg. von Sanıye Uysal Ünalın, Nilgin Taniş Polat, Mehmet Tahir Öncü. İzmir, Ege Üniversitesi Basımevi, 2013. S. 155–166. (In German)
- 21 Hüfner, Agnes. "Rezensionsnotiz zu Süddeutsche Zeitung." *Perlentaucher. Das Kulturmagazin*. Available at: <https://www.perlentaucher.de/buch/feridun-zaimoglu/liebesmale-scharlachrot.html> (Accessed 21 February 2024). (In German)
- 22 Kämmerlings, Richard. "Holtrop, c'est moi." *Welt am Sonntag*, 08.09.2012. S. 30. (In German)
- 23 Keuschnig, Gregor. "Rainald Goetz: Johann Holtrop." *Begleitschreiben*, 27.10.2012. Available at: <https://www.begleitschreiben.net/rainald-goetz-johann-holtrop/#nav-mobile> (Accessed 03 January 2025). (In German)

- 24 Klauhs, Harald. "Alte Leiden des nicht mehr jungen W. Peter Untuchts Identitätssuche in Aus- und Abschweifungen." *Die Presse*, 16.11.2002. S. 12. (In German)
- 25 Kosler, Hans Christian. "Von den Loopings des Lebens. Peter Untuchts erstaunliches Romandébut." *Neue Zürcher Zeitung*, 05.10.2002. S. 59. (In German)
- 26 Langenhorst, Georg. "'Die erzählte Geschichte ist, was am Ende zählt.' Postmoderne Spiegelungen jüdischen Lebens im literarischen Werk Benjamin Steins." *Communicatio Socialis*, no. 2 (46), 2013. S. 164–182. (In German)
- 27 Moritz, Rainer. "Cihan Acars Heilbronn-Roman 'Hawaii': Die neuen Leiden des gebrochenen Helden." *Stuttgarter Zeitung*, 17.03.2020. S. 15. (In German)
- 28 Rudas, Meo Ricardo. "'Gewöhn dir mal langsam Kanakenmanieren an, Alter.' Die Inszenierung von Identität in Feridun Zaimoglus Roman 'Liebesmale, scharlachrot'." *Glossen*, H. 5, 2021. Available at: <https://blogs.dickinson.edu/glossen/home-2/glossen-47-2021-current-issue/iii-kultugeschichtliche-analysen-feridun-zaimoglus-roman-liebesmale-scharlachrot/> (Accessed 05 March 2024). (In German)
- 29 Schneevogt, Robin, und Meike Stein. "Interview mit Cihan Acar." *Papierstau Podcast*. Available at: <https://papierstauodcast.de/special/interview-cihan-acar> (Accessed 04 January 2025). (In German)
- 30 Schröder, Ernst. "Die Chronik eines angekündigten Todesfalls. Schriftsteller Peter Untucht verwebt wunderbar leicht Geschichte mit Geschichten." *Neue Osnabrücker Zeitung*, 17.08.2002. S. 5. (In German)
- 31 Smirnoff, Felix. "'Hawaii' von Cihan Acar." *SRF*, 28.06.2020. Available at: <https://www.srf.ch/audio/52-beste-buecher/hawaii-von-cihan-acar?uuid=6d53af23-9238-4852-9eb5-abb87926e58c> (Accessed 04 January 2025). (In German)
- 32 Walter-Jochum, Robert. *Autobiografietheorie in der Postmoderne. Subjektivität in Texten von Johann Wolfgang von Goethe, Thomas Bernhard, Josef Winkler, Thomas Glavinic und Paul Auster*. Bielefeld, transcript, 2016. 362 S. (In German)
- 33 Zima, Peter Václav. *Der europäische Künstlerroman. Von der romantischen Utopie zur postmodernen Parodie*. Tübingen, A. Franke, 2008. 517 S. (In German)